

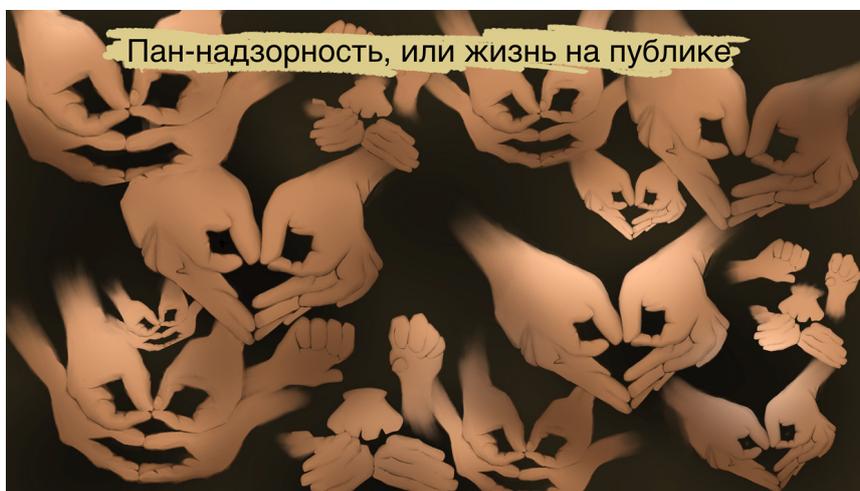
Пан-надзорность, или жизнь на публике

Сергей Луковенков, выпускник, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), lukovenkovsergei@yahoo.com

В статье рассматривается становление пан-надзорности, как характеристики и стратегии социального взаимодействия, в условиях осуществленной сетевой и информационно-цифровой культуры. На примере надзорно-телевизионных экспериментов Джоша Харриса, связанных с исследованием психологических и социальных эффектов от радикального уничтожения приватности в бытовом пространстве, демонстрируется как потенциальная инверсия состояний власти между «надзирателями» и «поднадзорными», так и изменения поведения через перманентную раскрытость всем и каждому. Так, новаторство и актуальность проектов Харриса, как кажется, заключаются не столько в провокационности, сколько в понимании движения и развития инфо-сетевого общества. Выявление силы направленного взгляда, а также – желания человека находиться на виду перед камерой – т.е. быть видимым. И несмотря на то, что «оруэлловский» элемент надзорной культуры не устранился, на первый план выходит добровольность и самораскрытие в информационном пространстве с одной стороны, а с другой – «обольстительные» техники получения/обработки данных. Таким образом, реализуется паноптический или пан-надзорный эффект, однако не в исходном значении Паноптикона Иеремии Бентама, но обновленной – «горизонтальной» – его версии, концептуализации которой и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: надзор, Паноптикон, информационно-цифровая культура, приватность

Для цитирования: Луковенков С.Г. Пан-надзорность, или жизнь на публике // Метаморфозис. 2024. Т. 8. № 4. С. 10-18.

Нью-Йорк, конец 1999 года. Более сотни человек добровольно решают закрыться в специальном капсульном отеле, живя на полном обеспечении: все бесплатно, развлечения на выбор представлены обильно. Всё это – часть одного большого эксперимента, посвященного тому, как жизнь на публике меняет принятые конвенции человеческих взаимодействий. Джош Харрис, пионер и один из энтузиастов интернет-коммуникации и экономики периода цифрового бума, с детства был увлечен телевидением, образами и возможностями будущего, которые открывала спешно наступающая эпоха переплетенности всех друг с другом в общей информационной среде. В сущности, эксперимент представлял собой моделирование будущего сегодня-сейчас, но в рамках отдельного физического и социального пространства. «Измюминка» проживания в городке под названием «Тишина» («Quiet») состояла в тотальном отсутствии приватности как учитываемого параметра в выборе стратегии поведения. Каждый аспект, каждая сторона внешней жизни участников фиксировались не только видеокамерами (для записи и показа по местным аналогам телевизоров), но и планировкой, благодаря которой бытовые пространства были полностью просматриваемы: кровати, столовая, душевая, туалет и т. д.

В 2009 году на кинофестивале «Sundance» состоялась премьера документального фильма «Мы живем на людях» («We Live in Public») режиссера Онди Тимонера, который прослеживает путь Харриса в оптике его трех больших проектов, каждый из которых – исследование коммуникации людей между собой в контексте массовых электронных и инфо-технологий. В частности, принесший Харрису состояние интернет-проект Pseudo.com был стриминговым сервисом, «новым» телевидением и вызовом крупным игрокам – монополистам. Второй проект – «Quiet: We Live in Public». Третий, самый «персональный» среди всех, напоминает второй, однако с куда большей долей «внешней» интерактивности под видом интернет-чата, в котором зрители могут общаться с участниками «прозрачных» отношений – самим Харрисом и его партнером того периода.

Остановимся немного на двух последних проектах. Несмотря на то, что эксперимент «Quiet» производит впечатление своими масштабами при производстве миниатюрного оруэлловского общества, он не кажется способным раскрыть и смоделировать реалии будущего пан-надзорного существования человека. Это скорее формат «реалити-шоу», что отчасти объясняется тем, с какой легкостью его участники принимали правила игры. Были приглашены люди творческих профессий, медийные персонажи и те, кто профессионально или психологически был готов жить «неприкрыто», не зная, что его ожидает. Так, эпатаж жителей «городка» отчасти объясним стремлением произвести эффект, весело провести время в непривычных условиях. Несмотря на жизнедеятельность, возможность говорить о настоящей жизни на публике отсутствует. В подобной игровом шоу не было ниче-

го радикально новаторского, экспериментального (в частности, сама идея основана на реалити-шоу «Большой Брат», появившемся на экранах в том же 1999 году).

Следующий эксперимент, напротив, интересен именно как концептуализация спонтанного и непреднамеренного пан-надзорного опыта, который поджидает человека сетевой культуры потенциально на каждом шагу, за каждым углом и каждую минуту. Несмотря на сходства, которыми можно объяснить первичное веселое и практически озорное вступление «подопытных» на путь самораскрытия и ликвидации приватности, особенности эксперимента более связаны с опытом нахождения под постоянным взглядом цифровых других, их присутственной речи. Как и в ситуации капсульного городка, по всему дому были расположены многочисленные подвижные камеры, которые в реальном времени транслировали как изображение, так и звук, давая зрителям полноту восприятия, отсутствие секретов, разве что кроме тех, что сокрыты в глубинах сознания.

Благодаря работе О. Тимонера нам, зрителям, открыта возможность видеть, как присутствие наблюдателей (реальное и воображаемое восприятия подобны эффекту игры в Паноптиконе Иеремии Бентама) стало нормой для живущих «под колпаком». Примечательно, что некоторое время спустя наблюдатели из Интернета стали активней вовлекаться в жизнь: участвовать в решении спорных ситуаций и занимать стороны. Сами участники проекта начинали учитывать фактор зрителей, стремясь иногда не решать проблему, а выходить победителем в виртуальных смотрящих «глазах». Несмотря на энтузиазм Харриса, жизнь под давлением взгляда стала оказывать на обоих вовлеченных тяжелое эмоциональное воздействие, близкое к приему, который Иеремиа Бентам положил в основание своего проекта Паноптикона, а именно: «видеть, не будучи видимым», а конкретней – находиться под этим взглядом в каждый момент времени. Нетрудно догадаться, что основным аспектом в этом принципе является не система надзора как таковая, а создание условий к подчинению через эмоциональное подавление (что было обусловлено отсутствием возможности фактического надзора формата «24/7»).

Этот «домашний» социальный эксперимент был очень своевременен, полезен, в особенности для осмысления пан-надзорного (паноптического) опыта и рассмотрения трансформаций, которые этот феномен переживает в современном мире. Дело в том, что эти эксперименты, как кажется, можно назвать «оруэлловскими» с некоторой натяжкой. Пространство, в котором есть некий «Большой Брат», если понимать под этим иерархически фундированную надзорную власть, не определяется одним фактором тоталитарного надзора (цифрового, аналогового – без разницы). Оно образуется из суммы контроля, производства и распределения знания, а также соответствующей «твердой» инфраструктуры. Происходившее в рамках

этого эксперимента имело мало общего с тем и другим. Более того, перед зрителями фильма происходит инверсия отношений «власти»: именно «поднадзорные» имели какую-то фактическую, пусть даже незначительную толику власти над цифровыми «надзирателями». Их можно забанить, можно сменить паттерны в зрительском опыте, например, отключив какие-либо камеры или, наоборот, расширив видеораскрытость. Тем не менее, наличие даже подобной власти над каждым из зрителей в отдельности не производило эффект контроля. Точно также отдельные зрители не имели власти над жильцами «прозрачного» дома, но именно эффект постоянного фонового присутствия «глаз» сыграл не последнюю роль в оказании психологического давления, последующих негативных личных событиях, в числе которых – конец отношений и сворачивание проекта.

Спустя более двадцати лет, минувших с пан-надзорных экспериментов Джоша Харриса, «жизнь на публике» стала распространенным явлением и как способ жизни, и как способ организации социального, экономического и культурного пространства. Конечно, до радикального опрозрачивания доходит не часто, но live-блоги, реалити-шоу, прочие форматы «жизни на виду» составляют большую часть инфо-контента сегодня. И оставление «цифрового следа» – это не только ожидаемый «выхлоп» присутствия в инфо-пространстве, но и часто желаемый результат, призванный закрепить за человеком бонус, удобство и репутацию в качестве отдачи. Помноженность на «обязательный» надзорный аспект, т. е. на участие в процедурах контроля или дисциплинирования в силу необходимости (корпоративной, государственной и проч.) ускоряет и без того стремительный процесс, который можно назвать переживанием «паноптического».

Переживание паноптического (жизни под неизвестным и малопонятным взглядом), возможность которого закреплена наличием инфо-цифровой инфраструктурой, может произойти преднамеренно или спонтанно вне «традиционного» разделения на оказывающего надзор и испытывающего давление человека. В «последнее время», сколь широким бы ни было это определение, вне-властный надзор часто оказывается на повестке дня: люди обсуждают жизнь на публике, сталкиваются с выходом информации о себе в «свободное» пространство, и это – важнейший индикатор не только коренных перемен, но и усложнений форм, проявлений надзора в жизни.

Важно отметить, что вектор движения в сторону «транспарентности» начался куда раньше, чем совершился переход к компьютерно-сетевой стадии развития общества. Мы можем выявить первые признаки «прозрачности» как инструмента поддержки социального порядка или управления уже в глубоком прошлом: от первых сводов законов и до появления любой формы фиксации (например, перепись населения в древнем Египте или Израиле, которые Дэвид Лайон отнес к стадии «доисторического над-

зора»¹). Появление технического инструментария для создания эффекта «выставления напоказ» не было единственным условием распространения транспарентного габитуса: «прозрачная» жизнь требует не только технологий создания информации и её хранения в каком-либо виде, но и особой культуры обращения с ней, при этом культуры массовой.

Жиль Липовецки в работе «Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма», анализируя базовые блоки текущей культуры, делает акцент на повороте к «обольщению» как способу работы и применения информации в коммуникативном пространстве, элементу новой культуры, поскольку «обольщение не действует в условиях секретности, оно работает при наличии информации, обратной связи, безустанного освещения социальной среды наподобие интегральному и всеобщему стриптизу»². Так, проявлением названного подхода на практике может быть обозначен новый «располагающий» (и одновременно «обольщающий») прием взаимодействия политиков с избирателями (или компаний с клиентами): создание популярного образа в информационном поле, который призван «очеловечить» его, сблизить и показать неожиданные стороны человека, даже если они информационные «пустышки» без связи с действительностью.

Речь не о том, что пропаганда как метод моделирования поведения при помощи управляемого распространения знания (историй, идей, фотографий и проч.), явилась совместно с «демократизацией» информационных технологий и человеком, вплетенным в данное уникальное жизненное пространство новой реальности³. Изображения и образы – это далеко не самое важное, когда дело касается надзора (в том числе визуально-информационного, цифрового и т. д.) паноптического пространства, «прозрачности», информационных дубликатов современных людей. В частности, одно из прозрений Бентама, которое могло бы затмить остальные, заключается в том, что эффективность власти, которая всегда соотносима с потребностью дисциплинирования и надзора, образуется из суммы процессуальности создания образа реальности (выработки реакции на заданные условия жизни, формирование «верного» сознания) и актуального воздействия, принуждения. Таким образом, паноптический опыт – это не только нахождение под постоянным и гнетущим надзором, но и отношение к миру, другим, самому себе, которое формируется внедрением чувства (как минимум, в случае Паноптикона), что именно на тебя направлен тяжелый взгляд/камера из башни надзирателя. Как следствие, опыт паноптического переживания –

¹ Lyon, David. *The Electronic Eye*. Hoboken: Polity Press, 2013. P. 23.

² Липовецки, Жиль. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма / Пер. с франц. В.В. Кузнецова. СПб.: «Владимир Даль», 2001. С. 48.

³ Краткое, но весьма иллюстративное изложение истории пропаганды, в частности же как механизма создания «функционального» знания (например, исторического), представлено во введении работы признанного специалиста в области PR-технологий Э. Бернейса «Создавая общественное мнение» (“Crystallizing Public Opinion”, 1961).

это психологическое состояние страха, потери контроля над собой, невозможность убежать и скрыть что-либо.

Касаясь темы надзора, какой бы формы он ни был, мы неизбежно затронем вопросы «политики памяти» в широком смысле, цель которой – формирование отношения к чему-то или кому-то, нормализация образов, представлений, предоставление критериев оценки информации, которая поступает со стороны. Паноптический надзор является фоновым и событийным. И в отличие от амбициозных планов XVIII в., области «паноптического» сегодня уже не ограничены каким-либо местом (более того, подобный опыт усиливается в них, например, на таможне, КПП и проч. местах), а распространены в социальной действительности, в ее физическом и виртуальном пластах. Таким образом, чувство нахождения под взглядом – «прицельным» и «расфокусированным» – является константой жизненного мира человека, вброшенного и включенного в условности информационно-цифровой культуры. Патрисия Пистерс в монографии “*A Deleuzian Film-Philosophy of Digital Screen Culture*”, посвященной «культуре цифровых экранов» (digital screen culture), верно подмечает: «...одна из отличительных черт современной медиаккультуры – это умножение количества экранов и камер в надзорных системах и других надзорных инструментах»⁴. Растет число людей, берущих на себя (прямо или косвенно, осознанно и не совсем) роль активной стороны надзора в получении доступа к тому, что дает власть над человеком и ставит их несколько выше.

Согласно данным Bitdefender, более 27% участников специальной программы Bitdefender Digital Identity Protection становились жертвами более чем одного случая утечки данных (data breaches)⁵. Это только те случаи, когда негативные последствия, связанные с использованием информации против «оригинала», оказываются результатами прямых действий злоумышленника. В то же время влияние способов жизни в информационно-сетевой реальности может иметь неожиданные воздействия на психологическое, репутационное, а также порой и физическое состояние человека, который неожиданно сталкивается с тем, что его «цифровой след» превращается в целую цифровую персону с собственным «голосом».

К сожалению, подобные события настолько повседневны, что знание об этом обыденно и даже не удивляет. Последствия могут быть как незначительными (запечатление на видео компрометирующей ситуации, которая забудется через пару дней), так и по-настоящему фатальными (преследование, финансовые или репутационные потери, самоубийства на фоне об-

⁴ Pisters, Patricia. *A Deleuzian Film-Philosophy of Digital Screen Culture*. Stanford, California: Stanford University Press, 2012. P. 98.

⁵ См. подробнее: The digital you in 2023: Modern digital footprints and their impact on privacy and security // Bitfender [Electronic resource]. URL: <https://www.bitdefender.com/blog/hotforsecurity/the-digital-you-in-2023-modern-digital-footprints-and-their-impact-on-privacy-and-security/> (Date of access: 01.02.2024).

народования информации в публичном пространстве). И как справедливо отметила в ранее упомянутой работе Патриция Пистерс, «надзор связан с ощущениями паники в их отношении к вопросам контроля и свободы»⁶. Отчасти этим можно объяснить то, почему люди платят деньги мошенникам, угрожающим раскрыть порочащую информацию и приватные данные, даже несмотря на то, что такое запугивание часто бывает беспочвенным. Отмечается, что за первую половину 2022 года (нет оснований полагать, что следующие годы отметятся спадом динамики) был зафиксирован рост рассылок писем-вымогателей, эксплуатирующих тему сексуальности (sexortion)⁷. В подобном письме сообщается, что неизвестный получил доступ к вебкамерам и микрофонам жертвы, сделал запись экрана во время посещения сайтов для взрослых, смонтировав все в единый видеоролик, который не будет отправлен контактам при условии получения мошенником определенной суммы денег. В действительности взломщик не обладал каким-либо компроматом, однако иногда люди выплачивают требуемые от них суммы. Существуют, конечно, многочисленные вариации, различные легенды и подходы: связывает их инструмент давления на людей. Эксплуатация страха стать раскрытым с «постыдной» стороны и быть «выброшенным» на всеобщее обозрение – эффект разрушения иллюзии приватности, чувства контроля над жизненным пространством, которое включает инструменты выхода и связи с информационно-сетевым миром.

Гиперинформационная среда, представляющая плотную сеть пересекающихся каналов связи, активных или пассивных «экранов», коммуницирующих между собой, вовлеченными людьми и структурами, производит уникальные правила поведения и шаблоны оценки окружающего мира, выработки стратегий входа и выхода из событий, ситуаций и процессов. Опыт переживания паноптически настроенного против тебя мира – одна из таких стратегий, реалий сетевого или горизонтального надзорно-коммуникативного пространства. Данный опыт представляет собой комбинацию возможностей и целей, связанных с желанием раскрываться или скрываться по собственному желанию, что, как показывает практика, не может быть реализовано (по крайней без чрезвычайных усилий, ресурсов), и поэтому Паноптикон находится рядом с нами всегда, только в этой стадии он лишен строгих черт, застывших «твердых» форм: нет больше ролей, иерархических пирамид, выделенного пространства. Информационно-сетевой Паноптикон в пан-надзорности сетевой культуры – это процесс постоянного тотального надзора, в котором позиции человека меняются в зависимости

⁶ Pisters, Patricia. *A Deleuzian Film-Philosophy of Digital Screen Culture*. Stanford, California: Stanford University Press, 2012. P. 98.

⁷ См. подробнее: Sextortion Scams Surge 178% in a Year // Infosecurity magazine [Electronic resource]. URL: <https://www.infosecurity-magazine.com/news/sextortion-scams-surge-178-in-a/> (Date of access: 01.02.2024).

от потока переменных, случайных или преднамеренных действий со стороны огромного числа взаимосвязанных, часто незнакомых людей, организаций, структур, событий и планов. Современный панооптический опыт сегодня – это дихотомия ощущения и понимания важности быть в положении контроля относительно своего опыта в агрессивной плоскости пан-надзора и стремительного включения, практически беззаботной игры на поле многомерных процессов использования и модификации информации любого типа. Это – одновременное нахождение и жизнь множественности, собранной из включенных людей, отделённых инфо-цифровых «фрагментов», событий и псевдособытий в общем фиджитальном пространстве, в котором опыт надзора – неискоренимая, многообразная и подвижная константа.

Литература

Липовецки, Жиль. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма/Пер. с франц. В.В. Кузнецова. СПб.: «Владимир Даль», 2001.

References

Lipovecki, Zhil'. *Jera pustoty. Ocherki sovremennogo individualizma* [The era of emptiness. Essays on Modern Individualism], transl. from French by V.V. Kuznecov. SPb.: "Vladimir Dal" Publ., 2001. (In Russian).

Lyon, David. *The Electronic Eye*. Hoboken: Wiley, 2013.

Pisters, Patricia. *A Deleuzian Film-Philosophy of Digital Screen Culture*. Stanford, California: Stanford University Press, 2012.

Sextortion Scams Surge 178% in a Year // *Infosecurity magazine* [Electronic resource]. URL: <https://www.infosecurity-magazine.com/news/sextortion-scams-surge-178-in-a/> (Date of access: 01.02.2024).

The digital you in 2023: Modern digital footprints and their impact on privacy and security // *Bitfender* [Electronic resource]. URL: <https://www.bitdefender.com/blog/hotforsecurity/the-digital-you-in-2023-modern-digital-footprints-and-their-impact-on-privacy-and-security/> (Date of access: 01.02.2024).

Pan-supervision, or life in public

Sergey Lukovenkov, graduate, Russian State University for the Humanities (Moscow), lukovenkovsergei@yahoo.com

The article examines the formation of pan-surveillance as characteristic and strategy of social interaction in the context of implemented network and informational-digital culture. Using the example of Josh Harris's supervisory and positional experiments related to the study of the psychological and social effects of the radical destruction of privacy in the public space, both the potential inversion of states of power between "supervisors" and "supervised" and behavior changes through permanent disclosure to everyone are demonstrated. Thus, the innovation and relevance of Harris's projects, it seems, lie not so much in provocation, but in understanding the movement and development of the informational and network society. Revealing the power of the directed gaze, as well as the desire of a person to be visible in front of the camera – that is, to be visible. And despite the fact that the "Orwellian" element of surveillance culture has not been eliminated, voluntariness and self-disclosure in the information space on the one hand, and on the other - "seductive" techniques for obtaining/processing data come to the fore. Thus, the panoptic or pan-surveillance effect is realized, however, not in the original meaning of Jeremy Bentham's Panopticon, but an updated "horizontal" version of it, the conceptualization of which is the subject of this article.

Keywords: surveillance, Panopticon, informational and digital culture, privacy

For citation: Lukovenkov S.G. (2024) Pan-supervision, or life in public // *Metamorphosis*. Vol. 8. N. 4. P. 10-18.